ЗВѢРИНЕЦЪ (*).

МЕДВѢДЬ.

Медвѣдя знаемъ мы какъ могучаго — то свирѣпаго, то добродушнаго и неуклюжаго — богатыря; но добродушіе его подлежитъ большому сомнѣнію, свирѣпость ограничивается потребностію пищи и защитой, а неуклюжесть обманчива; онъ такъ ловокъ и проворенъ, что всякаго заставитъ изумиться. Куцый видъ его смѣшонъ; а походка и ухватки потому забавны, что медвѣдь строеніемъ своимъ отличается отъ всѣхъ почти прочихъ животныхъ, наступая цѣлой плюсной, слѣдомъ, всей подошвой, какъ человѣкъ, тогда–какъ собака, кошка, лошадь, ступаютъ одними только перстами, или ходятъ на–ципочкахъ, а пятка поднята у нихъ къ верху. На этомъ основано народное

(*) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ предположено печатать рядъ статей, которыя составятъ нѣчто цѣлое — хотя и неопредѣленнаго размѣра. Заготовлено также нѣсколько общихъ, сюда же относящихся статей, какъ напримѣръ: «Побудка, или инстинктъ животныхъ»; «Черепословіе или краніологія»; «О словесной рѣчи человѣческой», и пр., т. е., статьи, относящіяся до физіологіи и психологіи животныхъ.

повѣрье, или прибасенка, будто медвѣдь есть оборотень: какой–то отшельникъ не нашелъ ночью пріюта въ глухой деревнѣ, лежавшей въ непроходимомъ бору; за это старикъ проклялъ нехлѣбосольныхъ жителей, сказавъ: «жить вамъ вѣкъ въ глуши лѣсной и свѣта божьяго не видать!» И за словомъ всѣ мужики оборотились въ медвѣдей и стали жить въ берлогахъ. Медвѣдю присвоено у насъ названіе Мишки, Михайла Потаповича, и дано прозваніе Топтыгина. Медвѣдицу называютъ Машкой, Марѳушкой, Матреной. На Украйнѣ медвѣдя называютъ вѣдмедь. Обученныхъ медвѣдей зовутъ иногда смургонскими бурсаками, потому–что въ Смургонахъ крестьяне занимаются преимущественно этимъ промысломъ.

Естествоиспытатели не согласны въ томъ, одинъ ли видъ бурыхъ медвѣдей у насъ въ Россіи, или ихъ нѣсколько. Народъ отличаетъ три вида, и казанскій професоръ Эверсманъ находитъ, по–крайней–мѣрѣ, между двумя изъ нихъ значительную разницу въ костяхъ черепа. Стервятникъ, самый огромный и притомъ плохой, по

шерсти; за тѣмъ слѣдуетъ Муравейникъ, и наконецъ, Овсяникъ. На Сѣверѣ и Западѣ, кажется, болѣе живетъ послѣдній, мѣстами также первый; Муравейникъ же, въ сотовариществѣ Стервятника, водится болѣе въ сѣверовосточной части Россіи. Муравейника считаютъ самымъ злымъ; онъ тѣмъ опаснѣе для охотниковъ, что рѣже другихъ встаетъ на дыбы, а кидается опрометью на противника. Стервятникъ питается преимущественно падалью, но охотно рветъ коровъ и лошадей; Муравейникъ также довольно плотояденъ, но малосильнѣе, а при томъ довольствуется и другою пищею, наприм., кореньями, ягодами и муравьиными кучами, которыя пожираетъ со всѣмъ, чтѣ въ нихъ есть, съ муравьями, яйцами ихъ, разными запасами и со всѣмъ соромъ, изъ котораго кучи построены. Онъ особенно кормится этимъ весною, вставъ съ зимней лёжки. Овсяникъ охотно ѣстъ зерновой хлѣбъ, преимущественно овесъ и гречиху, вытаптывая цѣлыя поля. Онъ также сосетъ малину, какъ выражается народъ, обхватывая цѣлые кусты лапами и

пережовывая ихъ вмѣстѣ съ ягодами. Стервятникъ, по обычаямъ своимъ, отличается еще тѣмъ, что онъ одинъ только держитъ пѣстуна для медвѣжатъ, а Овсяникъ и Муравейникъ этого не дѣлаютъ. Пѣстунъ — явленіе весьма-замѣчательное, котораго нѣтъ ни у какихъ болѣе животныхъ. Медвѣдица мечетъ ежегодно въ январѣ или февралѣ по парѣ медвѣжатъ, и всегда самца и самку. Мать водитъ ихъ за собой до поздней осени: тогда дочь отдѣляется и обзаводится на зиму своей берлогой; сынокъ, напротивъ, остается при матери и въ-теченіе будущаго лѣта, няньчитъ малолѣтняго братца и сестрицу; это пѣстунъ. Вотъ почему зимою можно застать иногда въ берлогѣ медвѣдицу, молодаго медвѣдя и пару медвѣжатъ; но медвѣдь этотъ не есть отецъ новорожденныхъ, а только подростокъ и братъ ихъ.

Мать очень-строго обходится съ пѣстуномъ и часто бьетъ его, когда онъ плохо смотритъ за своимъ воспитанникомъ, или не бережетъ его. Пастухъ, очевидѣцъ, разсказывалъ профессору Эверсману

слѣдующее: огромная медвѣдица съ медвѣжатами и пѣстуномъ, подошла къ болотистому ручью и сдѣлала распоряженіе о переправѣ. Нихотя пѣстунъ взялъ одного медвѣжонка въ лапы и перенесъ его на ту сторону, пробираясь по кладкѣ; но воротиться за другимъ ему не хотѣлось, онъ долго сидѣлъ на томъ берегу и ворчалъ, перекоряясь съ матерью, между–тѣмъ какъ она изливала брань и угрозы свои въ страшномъ ревѣ, отъ котораго пастухъ дрожалъ, лежа на пригоркѣ. Наконецъ пѣстунъ повиновался, но, какъ замѣтно было, съ большимъ негодованіемъ, полагая, что сдѣлалъ свое дѣло, перетащивъ одного медвѣжонка, а что другаго могла бы взять съ собою и сама мать. Пѣстунъ получилъ оплеуху отъ матери за недобрую волю свою и отговорки, ухватилъ въ–сердцахъ другаго братца, но былъ въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что оступился по кладкѣ, или съ намѣреніемъ свалился въ ручей, уронивъ туда же и медвѣжонка.

Медвѣдица подняла страшный и громкій ревъ, между–тѣмъ какъ пѣстунъ ворчалъ и ревѣлъ болѣе жалобно, и долго возился въ

грязи и тинѣ, поглядывая на мать, не смѣя ослушаться ее прямо, и неохотно повинуясь грознымъ ея приказаніямъ. Но мать не пошла спасать свое дѣтище, а оставаясь на берегу, довольствовалась повелительными приказаніями, которыя раздавались страшными перекатами по всей окрестности. Наконецъ пѣстунъ рѣшился поднять утопавшаго медвѣжонка, вынесъ его на другой берегъ и присѣлъ, отряхивая съ себя грязь и воду. Этого однакоже строгой матери было мало: она требовала настоятельно, чтобы неуклюжая нянька перешла опять на эту сторону и явилась съ повинною. Крѣпко не хотѣлось этого бѣдному пѣстуну, который предчувствовалъ не совсѣмъ–ласковый пріемъ; но, послѣ долгихъ перекоровъ, онъ повиновался и у ногъ строгой матери съ покорностію просилъ пощады. Въ отвѣтъ на это, мать отпустила ему десятка два такихъ оплеухъ, что бѣдный дядька легъ тутъ же на берегу ручья, долго лежалъ, стоналъ и жалобно ревѣлъ, утирая рыло лапами, между–тѣмъ какъ медвѣдица перешла на тотъ берегъ и отправилась съ дѣтенышами своими въ

дальнѣйшій путь. Послѣ продолжительнаго роздыха, во все время коего пастухъ лежалъ на пригоркѣ, не смѣя пошевелиться, чтобы пѣстунъ не вздумалъ выместить на немъ свою невзгоду, медвѣдь отправился наконецъ, перешелъ ручей и, не смѣя отстать, пошелъ слѣдомъ за строгою матерью.

Медвѣдь бѣгаетъ, въ случаѣ нужды, огромными прыжками и съ чрезвычайною быстротою. Такимъ образомъ гоняется онъ за коровами и лошадьми и не рѣдко перенимаетъ оплошавшихъ. Увѣряютъ, что на первыхъ порахъ ни одна лошадь не уйдетъ отъ хорошаго медвѣдя. Я могу поручиться за истину слѣдующаго случая, бывшаго, нѣсколько лѣтъ тому, въ Оренбургскомъ–Уѣздѣ, въ деревнѣ Гнѣздовкѣ. По степной голой мѣстности, въ уѣздѣ этомъ медвѣдей нѣтъ; но Башкиры гонялись за звѣремъ по порошѣ нѣсколько дней, и туда его загнали. Кучеръ, выѣхавшій верхомъ съ борзыми собаками и съ ружьемъ, наѣхалъ въ небольшихъ камышахъ на внезапно–выскочившаго передъ нимъ медвѣдя. Охотникъ бросился

было за нимъ, но, опомнившись, своротилъ лошадь въ сторону, выстрѣливъ напередъ по немъ дробью. Разсвирѣпѣвшій звѣрь кинулся за верховымъ съ такою быстротою, что догналъ его въ нѣсколько прыжковъ и безъ всякаго сомнѣнія стащилъ бы съ лошади, если бы ухватилъ зубами; но какъ онъ, вмѣсто того, сталъ доставать его, по обычаю своему, лапой, то лошадь успѣла вынести сѣдока на нѣсколько саженъ впередъ, а охотникъ успѣлъ снова зарядить ружье и встрѣтить непріятеля дробью, обсыпавъ ему все лицо и глаза. Это осадило немного медвѣдя, и охотникъ опять успѣлъ отскакать; но вскорѣ непріятель, облитый кровью, его нагналъ. Онъ опять былъ принятъ выстрѣломъ, а между–тѣмъ охотникъ все скакалъ на доброй лошади; такимъ образомъ погоня и защита продолжилась на разстояніи болѣе десяти верстъ, до самой деревни, гдѣ наконецъ измученный, усталый мишка, жестоко израненный десятью или болѣе выстрѣлами мелкой дроби, съ выбитыми глазами, запекшеюся на головѣ и мордѣ кровью,

былъ убитъ мужиками, подъ самыми избами.

Всѣ знаютъ, какъ смѣло и ловко, хотя медленно и осторожно, медвѣдь лазитъ по деревьямъ, и въ особенности по бортямъ, за медомъ; это большею частію промыслъ Муравейника. Но не знаю всякій ли видѣлъ въ бору слѣды такого посѣщенія, на соснѣ. Медвѣдъ такъ глубоко всаживаетъ двухвершковые когти свои въ кору дерева, что слѣды этихъ ранъ остаются на вѣкъ и заплывая въ–послѣдствіи наростами, видны во всю длину дерева издали. Черезъ десятки лѣтъ можно отличить еще слѣдъ, не только каждой лапы, но и каждаго когтя. Средства, коими защищаютъ борти отъ этого посѣтителя, извѣстны: поддѣлываютъ качели, которыя отводятъ медвѣдя и держатъ его на–относѣ, до прибытія хозяина; вѣшаютъ чурбанъ передъ леткомъ, и мишка, наткнувшись на помѣху эту, съ сердцемъ откачиваетъ ее въ сторону, получаетъ ударъ въ голову, и чѣмъ болѣе онъ гнѣвается, чѣмъ сильнѣе отталкиваетъ чурбанъ, тѣмъ полновѣснѣе бываетъ ударъ. Прибиваютъ также, по обѣ стороны летка,

двѣ планки, съ гвоздями, коихъ остріе обращено наружу, подъ угломъ, такимъ образомъ, чтобъ нельзя было просунуть лапы. Мнѣ не было случая испытать мысли своей на дѣлѣ, но, кажется, не мудрено было бы придѣлать къ летку, состоящему изъ продольной скважины, двѣ планки, съ острыми гвоздями, обращенными остріями внутрь, подъ сходящимся угломъ — на подобіе того, какъ дѣлаютъ проволочныя мышеловки. Тогда мишка, просунувъ свободно лапу, дорого поплатился бы за свое лакомство и вѣроятно засѣлъ бы въ этой ловушкѣ.

Мнѣ случилось видѣть шкуру медвѣдя, убитаго смѣлымъ Башкиромъ, довольно-замѣчательнымъ образомъ: Башкиръ поѣхалъ на глухарей, съ сибиркой за плечами, — а сибирка есть винтовка такаго калибра, что въ нее едва входитъ обыкновенный карандашъ. Подъѣхавъ къ борти, Башкиръ засталъ тамъ пасечника, который управлялся около борти, саженяхъ въ четырехъ отъ земли, и былъ дѣломъ своимъ очень занятъ. Рядомъ съ этою сосною, стояла другая, не далѣе какъ въ

сажени; Башкиръ, подумавъ немного, слѣзъ съ лошади, взялъ поясъ, или веревку, съ помощію коей Башкиры подымаются на сосны, окидывая веревку вокругъ пня; взялъ съ собою топоръ и ружье, и подошедши тихонько къ ближней соснѣ, началъ поспѣшно по ней подыматься. Мишка вскорѣ послышалъ незванаго сосѣда, съ большимъ неудовольствіемъ покинулъ лакомое блюдо и сталъ съ ревомъ спускаться. Но вотъ бѣда: Башкиръ поднялся уже сажени на двѣ отъ земли, дерево стоитъ вплоть, дуло ружья уставлено на готовѣ, для встрѣчи пасечника, а ему нельзя миновать этой засады. Нѣсколько разъ медвѣдь отталкивалъ ружье, и едва не выбилъ его изъ рукъ охотника; но наконецъ этотъ уперъ его подъ переднюю лопатку медвѣдя, выстрѣлилъ, и мишка обрушился на земь, такъ, что вся окрестность глухо отозвалась.

Разсказываютъ еще болѣе–забавный случай, въ томъ же родѣ, но я за истину его не поручусь. Башкиръ везъ проѣзжаго по проселочной лѣсной дорожкѣ; вдругъ видитъ онъ не вдалекѣ такого же пасечника,

занятаго у высокой борти. Отпросившись у барина, чтобы мало–мало попугать медвѣдя, Башкиръ застрогалъ ножичкомъ кнутовище свое, подкрался къ борти и полѣзъ вслѣдъ за медвѣдемъ. Когда этотъ услышалъ, или увидѣлъ, за собою дерзкаго непріятеля, то сталъ съ ревомъ спускаться на него; но Башкиръ подставилъ ему шпильку, и медвѣдь, который терпѣть не можетъ, когда его трогаютъ за задъ, началъ подыматься выше. Преслѣдуя его шагъ за шагомъ и не давая ему покоя, Башкиръ заставилъ наконецъ медвѣдя лѣзть на сукъ, далѣе на кончикъ его, и травля кончилась, какъ увѣряютъ, тѣмъ, что отчаянный мишка оборвался и убился.

Нѣсколько лѣтъ тому, вблизи Петербурга, былъ замѣчательный примѣръ, подтверждающій истину общаго мнѣнія, относительно той слабости медвѣдя, о которой мы сей часъ говорили. Охотники поѣхали отсюда на обойденнаго медвѣдя, неподалеку Ораніенбаума. Звѣря подняли и выгнали на стрѣлковъ, и тотъ, на котораго онъ вышелъ, выстрѣлилъ по немъ изъ винтовки, не успѣлъ оглянуться, какъ

медвѣдь сбилъ его съ ногъ, втопталъ въ глубокій снѣгъ и стоялъ на немъ. Въ этомъ положеніи охотникъ старался высвободить правую руку, на которой медвѣдь стоялъ передней лапой, а въ правой же рукѣ охотникъ держалъ ружье свое, обращенное дуломъ къ заднимъ ногамъ звѣря. Вырывая руку изъ–подъ медвѣдя, охотникъ, безъ всякаго умысла, ударилъ нѣсколько разъ медвѣдя концомъ дула, и мишка съ лютостію обратился назадъ, полагая, что его кто–нибудь оттуда трогаетъ. Это повторилось нѣсколько разъ, а между–тѣмъ подбѣжали люди и раненный медвѣдь покинулъ охотника и пустился бѣжать. Онъ былъ въ–послѣдствіи убитъ, и стоитъ теперь, превосходно–набитый, въ музеѣ Академіи Наукъ. Если разсказъ мой въ какихъ–нибудь мелочахъ не вѣренъ, то я прошу снисхожденія у смѣлаго медвѣжатника: такъ разсказывали мнѣ случай этотъ люди, которымъ должно было вѣрить.

На той же слабости медвѣдя основана великая польза и помощь собакъ, на медвѣжьей охотѣ. Пара втравленныхъ

дворняшекъ, коихъ мужикъ беретъ съ собою, собираясь поднять медвѣдя, во всѣхъ отношеніяхъ для звѣря этого ничтожны и не могутъ сдѣлать ему никакого зла; плохой волкъ ушелъ бы отъ такихъ непріятелей не оглядываясь, не только не огрызаясь; а между–тѣмъ онѣ лаемъ своимъ и нападками съ тылу, заставляютъ медвѣдя метаться то въ ту, то въ другую сторону, отстаивая куцый задъ свой, что и даетъ охотнику время управиться.

Чадолюбіе медвѣдицы извѣстно; она весьма заботливая мать и не рѣдко защищаетъ, какъ говорятъ, дѣтей своихъ отъ прожорливости медвѣдя, который готовъ ихъ растерзать. Я видѣлъ свѣжую шкуру медвѣдицы, которая едва не стояла жизни двоимъ охотникамъ. Двое верховыхъ, съ ружьями, наѣхали въ лѣсу на медвѣжонка, стоявшаго смирно подъ кустомъ, между–тѣмъ, какъ охотники долгое время разсматривали его и не рѣшались, что дѣлать. Но какъ медвѣдицы не было видно нигдѣ, хотя лѣсъ казался не столь густымъ, чтобъ она могла вблизи скрыться, то одинъ изъ охотниковъ

рѣшился подъѣхать къ медвѣжонку, а за тѣмъ, нагнувшись съ лошади, схватилъ его за загривокъ и думалъ съ нимъ ускакать. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ медвѣдица сидѣла уже за нимъ, на забедрахъ коня его, который подломился и присѣлъ на заднія ноги, по–собачьи. Бросивъ медвѣжонка, охотникъ выхватилъ топоръ изъ–за пояса и ударилъ звѣря обухомъ на–отмашь, позадь себя; медвѣдица ошалѣла немного, спустилась съ лошади, но поймавъ ее лапами за хвостъ, начала ревѣть и теребить. Въ это время товарищъ охотника, къ–счастію, не оробѣлъ, а соскочивъ съ лошади, приложился почти въ упоръ и убилъ медвѣдицу на мѣстѣ. Тутъ же взяли и медвѣжонка.

Надобно признаться, что медвѣжата бываютъ очень–смѣшны и ловки въ пріемахъ и ухваткахъ своихъ; а нерѣдко обнаруживаютъ столько ума, что нельзя надивиться. Къ чистоплотности въ комнатахъ они привыкаютъ легко и скоро; становятся на дыбы, кладутъ лапу на щеколду или на ручку замка и отворяютъ дверь, точно какъ человѣкъ. Если

медвѣжонку дать нѣсколько толчковъ за то, что онъ, растворивъ дверь, покидаетъ ее настежъ, то онъ, выходя, оглядывается, обнюхиваетъ и осматриваетъ дверь и легонько припираетъ ее, подталкивая лапой; но затворить на замѣкъ или щеколду, какъ растворяетъ ее, не догадается. Будучи большимъ лакомкой до сахара, онъ подойдетъ къ вамъ непремѣнно, когда вы сядете за чай, встанетъ, понюхаетъ и толкнетъ лапой. Если вы дадите ему за это толчка, или прогоните его, то онъ, прилаживаясь долго, съ которой стороны подойти, подкрадется, сядетъ, смотритъ и косится на васъ, а рѣшившись опять толкнуть лапой, проворно отворачивается и притворяется невиннымъ, разсматриваетъ когти свои, или чешется, не обращая на вопросительный взглядъ вашъ никакого вниманія. Медвѣжонокъ, который обжогъ морду о самоваръ, никогда болѣе не подойдетъ къ нему, а сердится, ворчитъ и отворачивается отъ него; нерѣдко плутъ садится на окно и спокойно разсматриваетъ прохожихъ; а замѣчая, что хозяинъ тѣшится смѣшными прыжками и проказами

его и награждаетъ его за это лакомымъ кусочкомъ, медвѣжонокъ съ удивительною изобрѣтательностію придумываетъ разныя штуки, и иногда, ни съ того ни съ сего, кувыркается такъ уморительно–неуклюже, что заставитъ всякаго расхохотаться.

Ужимки и проказы его тѣмъ смѣшнѣе, что онъ по–видимому размышляетъ напередъ, чтѣ бы такое придумать? прилаживается, не торопясь, потѣмъ какъ–будто по командѣ: отставь, покидаетъ начатую затѣю и принимается опять за иное, и наконецъ присядетъ и задумчиво глядитъ на хозяина. Онъ проказитъ иногда исподтишка, поглядывая только наискось на своего барина; а если соскучится невнимательностію его, то или начинаетъ возиться громче и громче, или же разсердившись, ложится въ свой уголъ, уткнувъ подъ себя носъ. Въ дикомъ состояніи медвѣжонки не менѣе забавны. Едва–ли есть другое животное, которое лазило бы въ дѣтствѣ съ такою самонадѣянностію, колыхалось, ради забавы, на сучкѣ, какъ на качеляхъ, и кувыркалось черезъ голову. Медвѣжата

играютъ по цѣлымъ часамъ, какъ малые ребята, какимъ–нибудь обломаннымъ сучкомъ, лоскутомъ шкуры или мяса и проч. и шалятъ вдвоемъ между собою, почти какъ ребята. Переднія лапы имъ уже въ это время служатъ вмѣсто рукъ, и въ шутку и въ сердцахъ медвѣжонокъ съ удивительнымъ проворствомъ отпускаетъ оплеухи.

Въ Сибири разсказываютъ много забавныхъ похожденій медвѣдя. Укравъ цѣлую четверть мукц, мишка долго обнюхивалъ ее и, прочихавшись, не зналъ, какъ ее употребить въ дѣло. Наконецъ онъ разодралъ куль и попытался поѣсть мукц, но увидѣлъ, что это способъ весьма неудобный; мука набилась ему въ глаза и въ ноздри и попадала въ дыхательное горло. Тогда мишка вздумалъ изготовить себѣ для закуски холодную саламату или болтушку; онъ снесъ куль на берегъ ручья, высыпалъ въ воду нѣсколько пригоршней мукц и сталъ, не торопясь, размѣшивать лапой свою похлебку. Она вышла очень–жидка, потому–что вода уносила муку; но наконецъ мишка, послѣ многихъ проказъ и

пробившись долго, достигъ отчасти цѣли своей, сваливъ весь куль въ воду и доставая изъ него лапами готовое тѣсто.

Въ строгую зиму, голодный медвѣдь зашелъ въ жилое мѣсто и забрѣлъ на разсвѣтѣ въ растворенную дверь землянки. Въ сѣняхъ стоялъ на землѣ самоваръ, и закипалъ уже. Мишка подошелъ, чтобы обнюхать незнакомый ему предметъ, обжогъ носъ, попятился съ ревомъ назадъ, и толкнувъ, дверь приперъ самъ себя къ землянкѣ; за тѣмъ далъ онъ самовару оплеуху, обжогъ лапу и, разсвирѣпѣвъ, обхватилъ его обѣими лапами и началъ ломать и коверкать, обварившись кипяткомъ и высыпавъ на себя горящіе уголья. На страшный ревъ звѣря хозяева выглянули изъ боковыхъ дверей въ сѣни, а затѣмъ приперли двери снутри, вылѣзли въ окно, и бѣдный мишка былъ убитъ сквозь разобранную кровлю землянки.

Медвѣдь, попавшійся передней лапой въ капканъ, въ которомъ, конечно, будетъ два или три пуда вѣса, встаетъ на дыбы и уноситъ весь снарядъ съ собою, обороняясь противу преслѣдующихъ его охотниковъ съ

такимъ проворствомъ, будто у него надѣто на лапы дамское запястье. Сила, съ коею медвѣдь въ подобномъ случаѣ дѣйствуетъ, поднявъ на изломанной, измозженной лапѣ весь капканъ, а равно и самыя движенія звѣря съ этой перебитой лапой — доказываютъ неоспоримо, что даже животное высшихъ разрядовъ не можетъ быть до такой степени чувствительно къ боли и ранамъ, какъ человѣкъ; въ противномъ случаѣ не было бы звѣрю никакой возможности обороняться съ такою свободою. Относительно животныхъ низшихъ, истина эта не подлежитъ никакому сомнѣнію: у долгоногаго паука ноги отваливаются при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ; ящерица оставляетъ хрупкій хвостъ свой въ рукахъ вашихъ, если вы ее поймаете; насѣкомыя живутъ по цѣлымъ недѣлямъ на булавкѣ, если ихъ кормить, и такъ–называемая богомолка сидить на шпилькѣ также спокойно, какъ на листкѣ, и ловитъ съ такимъ же удивительнымъ искусствомъ мухъ, внезапно выкидывая складныя клешни свои, и пожираетъ съ большимъ

удовольствіемъ добычу. Въ–особенности живучи насѣкомыя, если они не исполнили еще предназначенія своего, не снесли яичекъ, и тогда исполняютъ они это своевременно, не заботясь ни о какихъ насиліяхъ. Но и высшія животныя, позвоночныя и теплокровныя, даже млекопитающія, все еще не могутъ чувствовать боль въ такой степени, какъ человѣкъ; потому–что нервная система и въ–особенности мозгъ, у нихъ далеко не такъ развиты, какъ у него. Осязаніе у нихъ, можетъ–быть, тоньше, но самое чувство тупѣе, безсознательнѣе. Какой человѣкъ можетъ перенести десятую, сотую долю тѣхъ побоевъ, при которыхъ иная лошадь едва только показываетъ, что ей это непріятно? Многіе это объясняютъ тѣмъ, что на животномъ кожа несравненно–толще; но объясненіе это неудовлетворительно, во–первыхъ потому, что собственно кожа, въ коей растекаются оконечности нервовъ, есть самая чуткая и чувствительная часть тѣла; во–вторыхъ же потому, что мы видимъ туже тупость или малую чувствительность животныхъ, при

поврежденіяхъ, проникающихъ до болѣе–глубокихъ частей.

Охота за медвѣдемъ была всегда поводомъ многихъ занимательныхъ, а иногда и забавныхъ случаевъ — забавныхъ, разумѣется, по низложеніи звѣря, или послѣ бѣгства его. Обыкновенно подымаютъ медвѣдя съ берлоги зимой, когда онъ на лёжкѣ, встрѣчаютъ съ разныхъ сторонъ пулями, и потомъ добиваютъ. Иногда подымаютъ и выгоняютъ его облавой, и становятъ на стрѣлковъ; иногда принимаютъ прямо съ берлоги на рогатину, а иногда, особенно на сѣверѣ, мужики ходятъ на медвѣдя съ ножомъ, одинъ на одинъ. Башкиры заваливаютъ берлогу деревомъ, коего сучья очищены и обрублены въ извѣстную мѣру, и суютъ дерево комлемъ въ берлогу; медвѣдь начинаетъ возиться съ деревомъ, хочетъ выпехнуть его изъ берлоги, а сучья порютъ землю и удерживаютъ его; въ это время звѣря убиваютъ изъ ружей и рогатинами. Поднятый съ лёжки медвѣдь иногда прямо встаетъ на дыбы, и тогда охотникамъ удобно поразить его пулями съ разныхъ

сторонъ. Иногда медвѣдь не встаетъ, а пускается въ бѣгство, или же прямо кидается на перваго стрѣлка. Въ послѣднемъ случаѣ опасность бываетъ большая, и случаются несчастія; для помощи надо подойти вплоть и стрѣлять въ упоръ: иначе можно убить человѣка, котораго медвѣдь подламываетъ подъ себя и начинаетъ драть лапой, обыкновенно отъ затылка. Нерѣдко, однакоже, медвѣдь вертитъ и ломаетъ человѣка нѣсколько времени, — какъ замѣтилъ Крыловъ удачно въ одной изъ басенъ своихъ, — будто выбираетъ мѣсто для почину; и нерѣшительность или разборчивость эта часто стѣитъ ему жизни, если товарищи подоспѣютъ на выручку, или единоборецъ самъ управится. Я помню, что, проѣзжая около 1820 года Тулу, виделъ, какъ наказывали на площади двухъ молодыхъ крестьянъ, которые ходили съ дѣдомъ своимъ на медвѣдя, но покинули въ страхѣ старика, когда медвѣдь перешибъ рогатину и подломилъ его. Дѣдъ зарѣзалъ медвѣдя ножомъ, но былъ самъ сильно израненъ и

подалъ на внуковъ формальную просьбу, требуя, чтобы ихъ наказали.

Извѣстный медвѣжатникъ въ Оренбургской–Губерніи, помѣщикъ, пошелъ съ двумя охотниками изъ дворовыхъ людей осмотрѣтъ въ лѣсу тропу, по которой огромный медвѣдь выходилъ уже нѣсколько разъ на поляну и рвалъ скотъ. Остановившись, охотникъ сталъ разсматривать ближайшія деревья, предполагая устроить палатки, залечь тамъ и подстеречь звѣря. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, охотникъ вдругъ остановился, встрѣтившись въ самомъ близкомъ разстояніи съ огромнымъ медвѣдемъ, который стоялъ смирнёхонько въ кустахъ, уставивъ яркіе глаза свои на высокаго охотника, такъ, что глаза того и другаго стояли другъ противъ друга почти въ уровень. Подумавъ немного, охотникъ рѣшился: прицѣлился и спустилъ курокъ винтовки. Въ тужь секунду богатырь съ ужаснымъ ревомъ поднялся на дыбы и бросился на смѣлаго непріятеля. Этотъ оглянулся за помощью — и увидалъ только издали бѣгущихъ со всѣхъ ногъ

помощниковъ своихъ. Въ отчаянномъ положеніи, охотникъ сталъ увертываться отъ звѣря, который на дыбахъ былъ гораздо–выше его — бѣгая вокругъ толстаго дерева, между–тѣмъ, какъ свирѣпый медвѣдь доставалъ его то съ той, то съ другой стороны лапой. Вдругъ подъ ноги ему попадается винтовка, которую бросилъ въ испугѣ одинъ изъ бѣглецовъ: въ одно мгновеніе подхватилъ онъ ее, уперъ въ самую глотку наскочившаго вплоть на него звѣря, и выстрѣливъ съ низу вверхъ, раздробилъ ему черепъ. Во всей губерніи расказывали, будто въ шкурѣ этого медвѣдя было 16, а по увѣренію другихъ, 18 четвертей. Шкуру медвѣдя охотники мѣряютъ, какъ извѣстно, въ–долонь, съ угла на уголъ, отъ лапы до лапы.

Около Баргузина, на Алтаѣ, медвѣдъ засталъ крестьянина врасплохъ въ бору; крестьянинъ успѣлъ укрыться за толстой лиственницей, и медвѣдь, сколько ни старался, не могъ достать его лапой, хоть и гонялся за нимъ вокругъ дерева и доставалъ то съ той, то съ другой стороны. Медвѣдь отходилъ въ сторону нѣсколько разъ и

сидѣлъ по цѣлому часу, выжидая болѣе–удобнаго случая; наконецъ сталъ бросать въ ноги плѣнника своего хворостъ, и опять пытался загонять его и поймать. Въ этомъ положенiи пробылъ бѣдный крестьянинъ болѣе сутокъ и освобожденъ наѣхавшими путниками. Онъ упалъ безъ чувствъ, когда медвѣдь удалился, и черезъ сутки едва могъ говорить. Случай этотъ разсказанъ мнѣ врачомъ, видѣвшимъ спасеннаго крестьянина.

Нѣсколько лѣтъ тому, было объявлено въ вѣдомостяхъ о награжденiи мальчика медалью за спасенiе отца своего отъ медвѣдя, которому изрубилъ онъ топоромъ голову, въ самое то время, какъ медвѣдь ломалъ подъ собою старика. Подобные случаи у насъ не рѣдки, относя это, однако же, къ взрослымъ, а не къ десятилѣтнимъ мальчикамъ. Не теряя присутствiя духа и дѣйствуя съ спокойствiемъ и рѣшимостiю, человѣкъ всегда почти можетъ одолѣть медвѣдя, даже холоднымъ оружiемъ. Крестьяне наши принимаютъ звѣря этого на рогатину — родъ широкаго и длиннаго копьЇ, на толстомъ древкѣ и, обыкновенно,

еще съ перекладиною подъ копьемъ, за которую хватается медвѣдь, всаживая себѣ рогатину еще глубже въ тѣло. Съ рогатиной ходятъ обыкновенно самъ–третий; два помощника подымаютъ медвѣдя съ берлоги, иногда втравливаютъ въ него собакъ, чтобы скорѣе поднять на дыбы; за тѣмъ помощники отступаютъ по обѣ стьроны за рогатину, направляемую старымъ медвѣжатникомъ прямо подъ ложку, т. е., подъ грудь медвѣдя. Иногда самою рогатиной управляютъ два и три человѣка; всадивъ ее въ медвѣдя, стараются сейчас же упереть ее пяткой подъ корень дирева; за тѣмъ помощники иногда добиваютъ медвѣдя изъ ружей, иногда же прикалываютъ другими рогатинами, а иногда одинъ изъ нихъ дорѣзываетъ его просто ножомъ. Медвѣдь лѣзетъ смѣло на рогатину, привыкнувъ ломать все, чтѣ попадается на пути, не зная стали и желѣза и надѣясь одолѣть все одною силою. Плохо бываетъ медвѣжатникамъ, если звѣрь не становится на дыбы, а кидается на нихъ, какъ говорятъ, свинкой. Тогда онъ нерѣдко подскакиваетъ подъ рогатину, и охотники

должны принять его ружьями, коли есть у нихъ ружья, или ножами. Иногда медвѣдь перебиваетъ однимъ взмахомъ лапы толстую рогатину, бросаетъ обломкомъ въ догонку за непріятелемъ, и также идетъ развѣдаться въ рукопашную. Медвѣжатники, которые привыкли ходить на звѣря съ однимъ ножомъ, предпочитаютъ этотъ способъ всякому другому. Въ сѣверныхъ губерніяхъ нашихъ и въ Камчаткѣ, частію иногородцы, а частію и Русскіе, ходятъ на медвѣдя съ ножомъ. Для этого одѣваются въ кожу, особенно покрываютъ лопатки, плеча, затылокъ и голову, — потому–что медвѣдь любитъ дратъ съ затылка, оголяя въ одинъ пріемъ весь черепъ, — и берутъ въ правую руку обоюдоострый ножъ, четверти въ двѣ. Разсердивъ и поднявъ медвѣдя на дыбы, боецъ смѣло кидается подъ него, заслоняя лицо лѣвымъ локтемъ, и всадивъ ножъ въ брюхо медвѣдя, остріемъ нѣсколько кверху, сильнымъ движеніемъ плеча и рукц распарываетъ его въ одинъ разъ до самой ложки, до грудной кости, и, въ то же время,

протыкаетъ насквозь грудобрюшную перепонку и самыя легкія.

Боецъ засовываетъ при этомъ всю руку, по самый локоть, въ брюшную полость медвѣдя; все брюхо распорото и внутренности вываливаются наружу. Остается только, какъ выражаются медвѣжатники эти, свалить медвѣдя съ плеча, потому–что онъ, обезсилѣвъ внезапно, и пораженный на смерть, ложится какъ колода, всею тяжестію своею на стоящаго подъ нимъ бойца. Медвѣдь дышетъ еще довольно–долго, если ножъ не угодилъ въ самое сердце; паръ подымается столбомъ и валитъ изъ ноздрей, которыя сильно раздуваются, при глухомъ ревѣ издыхающаго богатыря. Ножъ обыкновенно приматывается къ кулаку ремнемъ, чтобы ударъ лапою не могъ вышибить его изъ рукъ. Въ Камчаткѣ, говорятъ, боецъ беретъ въ лѣвую руку желѣзный кляпъ, на ремнѣ, ставитъ его торчмя въ зѣвъ медвѣдя, который закусываетъ его и такимъ образомъ не только лишенъ возможности употребить челюсти и зубы свои въ дѣло, но даже и лапы обращаетъ къ мордѣ,

стараясь высвободить изъ пасти распорку, и въ это время бываетъ поражонъ противникомъ своимъ. Кажется, однакоже, что способъ этотъ не можетъ быть всегда и вездѣ примѣненъ: едва ли всякій медвѣдь подставитъ услужливо пасть свою и возьметъ на зубъ подносимый ему орѣхъ; напротивъ, онъ большею частію встрѣтитъ всякаго наступника лапами, и ими же примется его обработывать.

Хотя мишкѣ не приписываютъ столько ума, какъ лисѣ и собакѣ, не менѣе того, однакоже, увѣряютъ, что старый, опытный медвѣдь, нашедши прикормку, которая почему–либо покажется ему сомнительною, или, можетъ–быть, почуявъ слѣды врага своего, человѣка, кружитъ нѣсколько времени вокругъ лакомаго куска, вглядывается, реветъ и встаетъ на дыбы, какъ–будто желая испытать, нѣтъ ли кого въ засадѣ; что, наконецъ, даже нерѣдко начинаетъ бросать въ прикормку каменья и валежникъ, и, если услышитъ звукъ желѣза — капкана, то уйдетъ, ничего не тронувъ. Охотники полагаютъ также общимъ закономъ, который никому и

никогда не совѣтуютъ нарушать, чтобъ отнюдь не брать найденныхъ въ лѣсу медвѣжатъ, если медвѣдица не убита. Увѣряютъ, что она всегда отмститъ, что отъищетъ чутьемъ похитителя и готова ворваться за нимъ въ деревню или въ самый городъ. Во всякомъ случаѣ должно считать общимъ правиломъ, что медвѣдица не за горами, если вы наткнулись на медвѣжатъ; она притаилась и слѣдитъ за каждымъ движеніемъ вашимъ. Примѣръ этому былъ приведенъ выше. Никогда медвѣдь не нападетъ на человѣка безъ причины, и подавно никогда не пойдетъ на него, какъ на добычу, чтобы его сожрать; но увѣряютъ, что медвѣдь, которому случилось разъ отвѣдать человѣчьяго м¥са, бываетъ очень лютъ и идетъ смѣло и охотно на–человѣка. Есть множество примѣровъ, что встрѣтивъ человѣка носомъ къ носу, медвѣдь не только оставляетъ его въ покоѣ, но обходитъ его; а если бываетъ внезапно испуганъ наткнувшимся на него человѣкомъ, или крикомъ его, когда дремалъ лежа, или шелъ задумавшись и повѣсивъ голову, то самъ первый бросается

со всѣхъ ногъ въ сторону, оставляя слѣды своего испуга. Тоже дѣлаетъ иногда раненый медвѣдь, если онъ бываетъ раненъ внезапно, изъ засады; иногда онъ даже, будучи поднятъ съ берлоги, не хочетъ драться и пускается бѣжать; но въ открытомъ бою, медвѣдь не уступаетъ никакой силѣ, покуда дышетъ; онъ не боится ни угрозъ, ни самыхъ ранъ, и съ перебитыми лапами и крестцомъ рыкаетъ и мечется всѣмъ туловищемъ во всѣ стороны, какъ кабанъ, взрывая землю на цѣлую четверть, вырывая кусты, ломая деревья, бросая въ непріятелей глыбы землѵ, каменья, сучья, все, чтѣ попадется подъ лапы, и наступая на перебитую, переломанную лапу такъ твердо и смѣло, будто она у него цѣла, и будто вовсе не чувствуетъ, что оконечность кости вышла наружу, и что онъ этою–то голою костью съ бѣшенствомъ топчетъ и роетъ землю.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗВѢРИНЕЦЪ.

—

МЕДВѢДЬ.

—

(Окончаніе).

———

Умъ медвѣдя, способность помнить, понимать и соображать, ясно видны въ жалкомъ плѣну его, на цѣп√ у цыгана, или у бѣлорусскаго мужика. Конечно, мишка тутъ уменъ по неволѣ; но онъ уменъ, почти какъ лошадь и собака. Неуклюжія, но въ то же время ловкія и получеловѣческія ухватки его и смѣшатъ и удивляютъ. Съ ревомъ негодованія подымается онъ на дыбы; снимаетъ и надѣваетъ шляпу, комкая ее немилосердо; кланяется, поворачивается на всѣ четыре стьроны; пляшетъ, то–есть, переступаетъ съ ногц на ногу и покачивается, но онъ слышитъ музыку и слушается ея; проклятая коза ему надоѣдаетъ, щелкаетъ деревянными зубами своими и лѣзетъ вилами, вмѣсто роговъ, въ

глаза; мишка замахивается на нее лапой, огрызается, но повинуясь, позволяетъ, несчастный, дурачить себя сколько угодно, беретъ палку въ лапы, передаетъ ее хозяину; потѣмъ показываетъ, какъ пьяныя бабы пляшутъ, какъ бабы на барщину выходятъ, какъ ребятишки ползкомъ горохъ воруютъ, какъ люди въ банѣ на полкѣ парятся или катаются; какъ мать чешетъ дѣтей, и какъ мачиха; какъ ребятишки верхомъ на палочкѣ ѣздятъ; какъ съ горъ на салазкахъ катаются; какъ спать ложатся, пьяные валяются, и проч. и проч. Онъ борется также съ вожакѣмъ своимъ, не смѣя его побороть, или кладетъ его осторожно на землю; кланяется въ нѣги зрителямъ и обходитъ со шляпой собирать подаяніе. Медвѣдь страстно привыкаетъ къ вину, пьянѣетъ отъ него, дурачится и спитъ крѣпко. Въ плѣну бодрствуетъ онъ зиму и лѣто, чего большая часть другихъ животныхъ, подверженныхъ спячкѣ, не могутъ, но умираютъ, если имъ не дадутъ покоя. Въ плѣну медвѣдь ѣстъ все съѣдомое; но мяса ему даютъ мало, потому–что онъ отъ мяса дѣлается золъ.

Иногда ручные медвѣди привязываются къ вожатымъ своимъ, какъ вѣрная собака. Въ 1829 году медвѣдь изобличилъ, въ Оренбургской Губерніи, убійцу своего господина: мужикъ, у котораго ночевалъ медвѣдь, надѣясь найдти у хозяина его много денегъ, убилъ его, запряталъ подъ полъ въ амбаръ, а медвѣдя выгналъ за село, въ лѣсъ. Но мишка не пошелъ въ лѣсъ, а сѣлъ на большую дорогу и выждалъ проѣзда мѣстной власти, — и дѣйствительно встрѣтилъ исправника. Не даваясь никому въ руки, медвѣдь воротился въ деревню, на тотъ дворъ, гдѣ онъ ночевалъ, полѣзъ въ амбаръ и началъ съ ревомъ драть половицы, обнюхивая ихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Подняли полъ, нашли трупъ и дѣло обнаружилось. Въ Олонецкой–Губерніи разсказываютъ, будто дикій медвѣдь залучилъ бабу въ берлогу свою и держалъ ее тамъ въ–продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ; увѣряютъ, что объ этомъ случаѣ производилось дѣло, и что онъ не подверженъ никакому сомнѣнію. Передаемъ свѣдѣніе это, не ручаясь за справедливость его.

Медвѣжата скоро и легко ручнѣютъ, но подростая, становятся опасными постояльцами, и обыкновенно проказами своими сами просятся, до большой бѣды, подъ обухъ. Одинъ подобный воскормленникъ, не перегодовавъ еще, далъ тому, кто ходилъ за нимъ, при случаѣ такую оплеуху, что этотъ упалъ–было замертво; но вслѣдъ за тѣмъ, мишка забился въ уголъ, подъ дрова, гдѣ его нашли и убили. Весьма–замѣчательно, что у него, послѣ такой шутки, достало ума разсудить, что это глупо, и что ему за это достанется. Другой медвѣжонокъ, на котораго всегда травили драчливаго козла, долгое время боялся козла этого такъ же точно, какъ козелъ, по закону природы, обыкновенно боится медвѣдя; всѣ тѣшились этимъ, и васька, гордясь побѣдою своею, не давалъ мишкѣ покоя, гонялся за нимъ, гдѣ только его завидитъ. Наконецъ мишкѣ это, однакожь, надоѣло; его посадили ужи на цѣпь, а васька все еще съ неимовѣрною наглостію бросался на него, покручивая рожками, припиралъ его въ уголъ и видимо потѣшался своею храбростію.

Но васька за глупую и безстыдную наглость свою дорого поплатился: однажды людей не случилось, мишкѣ козелъ надоѣлъ на–смерть, и когда онъ вздумалъ пырнуть его костянымъ лбомъ своимъ въ бокъ, то мишка нашъ вдругъ почувствовалъ достоинство свое, запустилъ когти въ ребра обидчика, ухватилъ его за загривокъ и задралъ; а какъ вынужденную оборону эту мишкѣ простили, то онъ вслѣдъ за тѣмъ сорвался съ цѣпи и задралъ теленка. Теленокъ этотъ свернулъ бѣдному мишкѣ шею, потому–что съ него сняли за это шкуру. Стѣитъ замѣтить, что если лиса, какъ говорится душитъ птицу, то–есть, въ одинъ пріемъ зажимаетъ ей глотку и перекусываетъ шею, не давая кричать, а волкъ, какъ весьма–правильно говоритъ народъ, рѣжетъ скотину, то–есть, хватаетъ прямо за глотку и перегрызаетъ сонныя жилы, точно какъ мясникъ, — то медвѣдь, напротивъ, ломаетъ и деретъ, почему и говорятъ, что онъ задралъ скотину. Онъ не рѣдко начинаетъ лапами, по–крайней–мѣрѣ ими останавливаетъ, удерживаетъ добычу свою, но хватаетъ скулистымъ зѣвомъ за

загривокъ, валяетъ на землю и тутъ ужи доканчиваетъ. Увѣряютъ положительно, что медвѣдь, смотря по величинѣ своей, уноситъ не только мелкую скотину, но даже порядочную корову. Если вѣрить разсказамъ очевидцевъ, то онъ тащитъ добычу зубами по землѣ и пятится задомъ; или же беретъ ее въ охабку, встаетъ на дыбы и уноситъ, перекинувъ через плечо.

Бурый медвѣдь, а равно барсукъ и нѣкоторые другіе звѣри медвѣжьяго рода, залегаютъ, какъ извѣстно, на зиму, на лёжку, и на нихъ находитъ спячка. Они запасовъ не заготовляютъ и не ѣдятъ въ это время, какъ дѣлаютъ наприм. хомяки, а, по народному повѣрью, сосутъ лапу. Удивительная игра природы: какимъ образомъ это огромное животное спитъ и живетъ почти пять мѣсяцевъ въ году, безо всякой пищи? Это тѣмъ непонятнѣе, что медвѣдь не только можетъ также бодрствовать круглый годъ, и тогда нуждается зимою въ пищѣ, но что и въ дикомъ состояніи, онъ ложится не всегда въ одно время, какъ соня или сурокъ, а иногда раньше, иногда позже, и притомъ не

обмираетъ вовсе, какъ помянутыя животныя, а просыпается, если его встревожатъ, и тогда не рѣдко продолжаетъ ходить нѣсколько времени, а иногда и вовсе болѣе въ эту зиму не ложится. Говорятъ также, что медвѣдь иногда, опоздавъ залечь вль–время, вовсе не ложится на мерзлую землю, бродитъ всю зиму и тогда бываетъ крайне свирѣпъ. Довольно–странно также, что собратъ бураго медвѣдя, бѣлый, не только не думаетъ залегать на зиму, но, напротивъ, оживаетъ болѣе, по мѣрѣ усиленія стужи, а въ теплую погоду бываетъ вялъ и прячется въ холодокъ. Барсукъ залегаетъ ранѣе медвѣдя, и спячка его бываетъ крѣпче. Берлога — нѣмецкое слово, BKren–Lager — бываетъ у медвѣдя не одинаковаго устройства. Одинокій, ложится онъ иногда просто въ трущобу, въ хворостъ, и разгребаетъ только подъ нимъ нѣсколько землю, — иногда подъ коренья буреломной сосны, или подъ самую колоду, — не рѣдко подъ небольшой утесъ, обрывъ, въ водомоину или въ яму; его заноситъ снѣгомъ, но всегда остается продушина, противъ морды, и со всей

берлоги подымается легкій паръ. По этому и находятъ звѣря, обошедши его по первой порошѣ, или подстерегши его по черностопу. До снѣга, впрочемъ, медвѣдь никогда почти не ложится крѣпко, а встаетъ по временамъ и бродитъ. Медвѣдица съ медвѣжатами, припасаетъ для себя болѣе–удобное и спокойное логовище, чтѣ впрочемъ дѣлаютъ нерѣдко и одинокіе. Она всегда почти выгребаетъ родъ пещерки или подвала, и потому охотно выбираетъ мѣсто для этого на косогорѣ, подъ бугромъ, также въ трущобѣ. Иногда берлога эта вырыта горлянкой, т. е., внутри просторна, а выходъ тѣсный; чтѣ весьма–удобно для охотниковъ; загородивъ лазъ рогатинами, подымаютъ звѣря и стрѣляютъ его въ лобъ, почти въ упоръ, лишь только онъ выкажетъ голову. Впрочемъ многіе медвѣжатники не допускаютъ этого, а требуютъ, чтобъ звѣрь былъ поднятъ, поставленъ на дыбы и убитъ по всѣмъ правиламъ. Говорятъ, что кладутъ иногда, на тропу, по которой медвѣдь постоянно выходитъ изъ лѣса, доску, въ которую наколочены острые ерши; наступивъ на нее лапой и пригвоздивъ ее,

мишка тотчасъ же наступаетъ и другою, чтобъ высвободить первую, а пригвоздивъ и ее, упирается третьею, тамъ четвертою, и наконецъ ложится съ отчаяннымъ ревомъ на спину и подымаетъ кверху на всѣхъ четырехъ лапахъ роковую доску. Не знаю только, всегда ли умный медвѣдь по сказанному, какъ по писанному, будетъ послушно переступать съ ноги на ногу, по желѣзнымъ ершамъ. Я уже упомянулъ, что Башкиры загораживаютъ лазъ комлемъ дирева, съ подрубленными сучьями, и давъ медвѣдю эту потѣху, легко съ нимъ справляются. Меделянскими собаками травятъ большею частію только плѣннаго, искалѣченнаго медвѣдя; но мордашки, у которыхъ голова толще туловища и скўлы образуютъ почти полкруга, приносятъ чрезвычайно–много пользы, на медвѣжьей охотѣ; жаль только, что лучшимъ изъ нихъ рѣдко удается поохотиться болѣе одного раза, потому–что звѣрь обыкновенно убиваетъ ихъ пощечиной, если успѣетъ встрѣтить этимъ, или задираетъ когтями, если мордашка предупредитъ его и вцѣпится. Впрочемъ она, все–таки возьметъ

свое, потому–что ни въ чемъ не уступаетъ травяному клещу и, вцѣпившись разъ въ медвѣдя, виситъ какъ не живая, — и растерзанная имъ на части, до послѣдняго издыханія не разжимаетъ скулъ своихъ, будто ей нѣтъ нужды до того, что съ нее отъ затылка до самаго хвоста содрали шкуру. Удивительно, до какой степени тутъ искусство побѣдило природу: чувство самохраненія, самая сильная способность всѣхъ почти животныхъ, исчезаетъ въ мордашкѣ, и ему нѣтъ слѣда. Она рвется съ какимъ–то отчаяньемъ, завидѣвъ звѣря, летитъ на него стрѣлой, и какъ только дошла, такъ вцѣпилась въ него, гдѣ попало, а за тѣмъ ей нѣтъ дѣла ни до чего, и если она останется жива, то ждетъ, чтобъ хозяинъ рознялъ ей челюсти коломъ или палкой, иначе не отпускаетъ даже мертваго. Надобно полагать, что въ этомъ изступленіи челюсти мордашки смыкаются судорожно, и что она сама не въ силахъ ихъ разомкнуть. Впрочемъ, мордашка также сама отпускаетъ звѣря, если ей ущемить или, какъ обыкновенно дѣлаютъ, укусить хвостъ. Медвѣдь не слишкомъ–живучъ,

хотя сносливъ, по силѣ своей, и убитый не обманываетъ — не такъ, какъ лиса или волкъ. Если, однакожь, пуля не раздробитъ ему черепа, не пробьетъ сердца или легкихъ съ большими сосудами, крестца или становой жилы, то онъ еще постоитъ за себя и на первыхъ порахъ не покажетъ и вида, что раненъ. Если пуля дастъ ьскользня, то можетъ пройдти между шкурой и мышцами во всю длину звѣря, и онъ безостановочно полѣзетъ впередъ. Шкура его очень–толста, плотна и жестка, иногда почти равняется подошвѣ; а густая, косматая шерсть упругостью своею еще болѣе его защищаетъ. Но на самомъ близкомъ разстояніи, въ навѣсномъ направленіи, не вскользь, даже дробь убиваетъ медвѣдя, хотя не всякая пуля его пробьетъ, на нѣсколько–значительномъ разстояніи и особенно ударивъ въ покатое мѣсто.

Въ Курляндіи, охотникъ ходилъ по лѣсу за рябчиками, съ лягавой собакой; ружье заряжено было мелкой дробью. Вдругъ собака потянула и сдѣлала какую–то небывалую за нею стойку: легла, словно

приросла къ землѣ, и не двигалась съ мѣста, чтѣ охотникъ ей ни разсказывалъ. Это было осенью. Удивленный хозяинъ сталъ оглядываться и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собакой свалившееся дерево, аршина въ два поперечника, а за нимъ густой кустарникъ. Полагая, что въ этомъ кустарникѣ кроется какая–нибудь дичь, онъ взвелъ курокъ и послѣ тщетныхъ попытокъ заставить собаку поднять ее, лукнулъ въ кустарникъ нѣсколько комковъ земли: — все тихо, ничего не видать. Охотникъ началъ подходить: собака лежитъ на мѣстѣ и даже не ползетъ за нимъ. Подошедши вплоть къ колодѣ и опустивъ на нее стволъ, онъ облокотился на нее лѣвой рукой и сталъ протягивать шею, чтобы осмотрѣть кустарникъ. Въ то же мгновенiе изъ подъ колоды по ту сторону поднялся, съ проворствомъ векши, огромный медвѣдище и, заревѣвъ, полѣзъ на колоду, чтобы встрѣтить незванаго гостя. Охотникъ держалъ ружье за спускъ, въ одной правой рукѣ, положивъ стволъ на колоду; онъ спустилъ курокъ и въ безпамятствѣ бросился бѣжать, на сколько стало духу,

покуда не грянулся на землю. Пришедши въ себя, онъ сталъ припоминать, чтѣ случилось: видитъ, что самъ онъ цѣлъ, собака лежитъ рядомъ съ нимъ, а подлѣ незаряженное ружье. Опомнившись, зарядилъ онъ ружье, думалъ долго чтѣ дѣлать, но разсудивъ, что еслибъ медвѣдь не ушелъ своимъ путемъ, то конечно давно бы нагналъ его и не далъ бы ему времени отдохнуть и такъ спокойно разсуждать, — онъ рѣшился медленно идти назадъ, пославъ передъ собой вѣрную собаку. Она довела его опять до роковой сосны, поперегъ которой медвѣдь лежалъ, поникнувъ головою между переднихъ лапъ, на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положенiи, какъ недруги встрѣтились, и по–видимому не пошевелился послѣ выстрѣла. Дробь, съ двумя пыжами, прошла въ грудь и размозжила сердце. Когда я однажды разсказывалъ случай этотъ, то одинъ изъ присутствовавшихъ, охотникъ дослушивать все до конца, спросилъ: «А куда жь охотникъ дѣвалъ медвѣдя?» — «Приказалъ собакѣ взять въ зубы и нести домой» — отвѣчалъ другой слушатель спокойно; а за

тѣмъ, случившійся въ обществѣ Курляндецъ, подтвердилъ истину первой половины этого разсказа, то–есть, все, за исключеніемъ поноски, и разсказалъ еще слѣдующее:

Въ Курляндіи, на границахъ Литвы, помѣщикъ собралъ однажды облаву на медвѣдя. Къ охотѣ этой приглашены были всѣ сосѣди, и замокъ наполнился къ срочному дню охотниками, псарями, собаками, ружьями и всѣми охотничьими снарядами. Встали съ разсвѣтомъ; замокъ кипѣлъ людьми, какъ муравейникъ; всякій готовился, вытиралъ и чистилъ оружіе, примѣрялъ по калибру пули, пробовалъ кремни, и проч. На дворѣ ударили въ рогъ; собаки завыли; осѣдланныхъ лошадей водили въ поводу, и только ожидали выхода господъ, оканчивавшихъ завтракъ.

Во все это время сидѣлъ въ боковой передней на столѣ подвижной портной, стегалъ иголкой, пощолкивая ниткой и косился на всѣ пріуготовленія, завидуя разгульной жизни охотника и съ грустію сравнивалъ ремесло и званіе свое съ веселыми забавами этой вольницы. Портной

былъ изъ числа бродячихъ, «подвижныхъ», которые ходятъ въ томъ краю отъ села до села, живутъ и работаютъ тамъ, гдѣ случится работа, а обшивъ одну деревню, идутъ въ другую. Нѣмецкіе портные не славятся предпріимчивостію и храбростію; не менѣе того, однакожь, и въ портномъ есть душа и сердце, которое взыграло въ нашемъ портномъ и стало проситься на просторъ. «Чтѣ», подумалъ Фипсъ: «еслибъ и мнѣ теперь коня — или хоть бы на телегу посадили, со стрѣлками, да добрую винтовку — такую, что какъ хватитъ, такъ вотъ медвѣдь и растянется! Поѣхалъ бы и я; право поѣхалъ!» Фипсъ сообщилъ шопотомъ неодолимое стремленіе расходившагося сердца своего одному изъ конюховъ или стремянныхъ; этотъ, ради шутки, сказалъ барину, что «портной–де просится на медвѣдя» — и, какъ при подобномъ случаѣ какой–нибудь вольный или невольный шутъ считается находкой, для сборища, готоваго повеселиться и похохотать, — то предложеніе Фипса принято было со всеобщимъ восторгомъ и присуждено одѣть и обуть его сейчасъ же,

дать винтовку, кинжалъ, пару пистолетовъ за поясъ, и привѣсить ему еще, для бѣльшей безопасности, старинный рыцарскій двуручный мечъ, семи четвертей длиною. Хохоту было много, и вся дворня проводила Фипса на медвѣжью охоту съ радостными восклицаніями. Фипсъ отмалчивался какъ могъ, пряталъ лицо въ косой вѣротъ тулупа, попросилъ одного изъ охотниковъ показать ему, какъ стрѣляютъ изъ ружья, приложился разъ–другой и съ веселымъ сердцемъ занялъ на опушкѣ лѣса назначенное ему мѣсто. Разумѣется, что портнаго поставили на самый край, въ глухой уголъ, куда вовсе не предполагалось гнать звѣря. Это было въ ясный, хорошій зимній день. Фипсъ остался одинъ, среди глухаго бора и мертвой холодной природы. Сосѣди его справа и слѣва стояли саженяхъ во стѣ, и притомъ за пнями толстыхъ деревъ; Фипсъ долго высматривалъ ихъ, никого не могъ увидѣть, и храбрость его начала остывать. Прошелъ цѣлый часъ — все мертво и тихо; Фипсъ какъ ребенокъ оглядывался со страхомъ, стараясь опознаться и припомнить, въ какую сторону

надо идти домой. Среди этого раздумья, повременной легкой дрожи и холоднаго пота, Фипсъ вдругъ услышалъ отдаленные крики облавы. Живой голосъ! Это ободрило его — онъ сталъ прислушиваться, какъ вдругъ страшный трескъ раздался передъ нимъ въ чащѣ, снѣгъ поднялся столбомъ, и огромный медвѣдь валитъ вскачь прямо на несчастнаго портнаго. Описать, чтѣ происходило въ немъ въ эту минуту — невозможно. Онъ и самъ этого не знаетъ: онъ помнитъ только, что ружье у него выстрѣлило; за тѣмъ Фипсъ пустился со всѣхъ ногъ указывать медвѣдю дорогу изъ лѣса; онъ бѣжалъ во всю портняжью мочь, распоясался на бѣгу, кинулъ шапку, поясъ, все оружіе свое, наконец тулупъ, и даже кенги, которые удерживали быстрый полетъ его ногъ. Въ такомъ видѣ Фипсъ прибѣжалъ во дворъ помѣщика, никѣмъ-незамѣченный, вошелъ въ покои, прокрался въ свою швальню, сѣлъ, не говоря ни слова, на столъ, и молча принялся стегать. Онъ украдкой только бралъ огромныя ножницы свои со стола и легонько отстригалъ, гдѣ слѣдовало, кусочки сукна, и едва переводя

духъ оглядывался, не дослѣдился ли до него страшный медвѣдь.

Между–тѣмъ охота шла своимъ чередомъ, облава наступала все ближе и ближе, наконецъ вышла на стрѣлковъ, — а медвѣдя нѣтъ. Загонщики увѣряли, что видѣли звѣря; охотники слышали выстрѣлъ; тотчасъ послали верховыхъ объѣхать лѣсъ и осмотрѣть гдѣ вышелъ медвѣдь и кто его упустилъ. Находятъ шапку портнаго, тулупъ его, поясъ, кенги, оружіе, все разбросано — а шагахъ въ пятнадцати лежитъ огромный медвѣдь, рыломъ въ снѣгу и уже остываетъ. Подали знакъ въ рога, всѣ сошлись, не могутъ надивиться, но не могутъ доискаться и портнаго; медвѣдь его не съѣлъ, даже не тронулъ, это ясно, потому–что слѣды охотника и звѣря не сходятся, а медвѣдь лежитъ, не добѣжавъ до мѣста, гдѣ стоялъ стрѣлокъ. Портнаго нѣтъ. Охотникамъ осталось отпраздновать побѣду, взвалить медвѣдя на дровни и везти торжественно во дворъ. Пріѣзжаютъ, отъискиваютъ Фипса — онъ сидитъ спокойно, прилежно работаетъ и ничего не хочетъ знать. Онъ торжественно отрекся,

что не ѣздилъ на охоту, и слышать не хотѣлъ такой сказки, будто–бы онъ убилъ медвѣдя; въ положительной увѣренности, что его хотятъ только одурачить, онъ до конца дней своихъ этому не вѣрилъ.

Бурый медвѣдь лѣтомъ линяетъ и въ жару ходитъ почти нагой, одѣваясь на зиму въ плотную, косматую шубу. Мѣхъ идетъ на полсти, на обивку, вальтрапы и тому подобное, а для шубы не слишкомъ–хорошъ, какъ по грубости шерсти, такъ и по толщинѣ и тяжести шкуры. Впрочемъ искусные скорняки выдѣлываютъ отборныя шкуры нашего молодаго медвѣдя въ хорошіе мѣха, срѣзывая мездру и оставляя тонкую и хорошо–обмятую кожу. На одногодкахъ шерсть чернѣе и мягче; шкура ихъ довольно–цѣнна. Ноябрскіе мѣха считаются лучшими. Въ Сибири медвѣди охотно ѣдятъ рыбу и нерѣдко сами достаютъ ее изъ горныхъ рѣчекъ. Медвѣдь плаваетъ хорошо. Замѣчательно, что медвѣдь живетъ во всякомъ климатѣ, лишь бы мѣстность была довольно–дика и лѣсиста; отъ тундръ Сибири, до пальмовыхъ и банановыхъ лѣсовъ Индіи, вездѣ водится

бурый медвѣдь, можетъ–быть нѣсколько измѣненный климатомъ и обстоятельствами, но одинъ и тотъ же звѣрь. У молодаго медвѣдя иногда бѣлый или сѣдой загривокъ, или, лучше сказать, сѣдина на переднихъ лопаткахъ; съ лѣтами, она бурѣетъ и переходитъ въ болѣе–рыжій цвѣтъ. Иные увѣряютъ, что бѣлый ошейникъ этотъ оказывается на 3–мъ или на 4–мъ году — другіе же, что это вообще бываетъ только у Муравейника. Достовѣрно, что съ бѣлымъ загривкомъ попадаются только не слишкомъ–рослые медвѣди. Извѣстны расказы о томъ, что медвѣдь лежачаго, или мертваго, не бьетъ, что не трогаетъ человѣка прикинувшагося мертвымъ. Это не сказка, но требуетъ поясненія. Если голодный медвѣдь начнетъ драть и ѣсть животное или человѣка, то не кинетъ его, сколько ни прикидывайся; но если онъ нападетъ, для своей собственной защиты или мести, то довольствуется обыкновенно тѣмъ, чтобы бросить непріятеля за–мертво. Одинъ крестьянинъ, бывавшій подъ медвѣдемъ, увѣрялъ меня, что звѣрь три раза принимался его драть, каждый разъ

покидалъ, когда онъ прикидывался мертвымъ, снова возвращался, обнюхивалъ, отходилъ и подстерегалъ, бросался снова, если тотъ шевелился, опять отступалъ, и наконецъ ушелъ. Бѣднякъ въ страхѣ пролежалъ еще нѣсколько часовъ, не довѣряя отсутствію звѣря, но благополучно, хотя и помятый, возвратился домой. Впрочемъ мы видимъ, что многія животныя прикидываются мертвыми, когда сильнѣйшій непріятель на нихъ нападаетъ, и видимъ также, что хитрость эта иногда имъ удается. Въ журналахъ нашихъ недавно былъ разсказанъ случай, что одинъ медвѣдь изорвалъ и съѣль другаго, по видимому послѣ ссоры и драки за берлогу, или за владѣніе участкомъ лѣса. Сильный, большой медвѣдь не терпитъ сосѣдства соплеменника, это извѣстно; и если слабѣйшій не уступитъ угрозамъ, то дѣло доходитъ до рукопашной; а если еще при этомъ одинъ задеретъ другаго и почуетъ кровь, то вѣроятно не побрезгаетъ имъ. Сѣверные инородцы Сибири даютъ клятву или присягу на медвѣжьей шкурѣ, полагая, что звѣрь этотъ врагъ лжи и рано или

поздно задеретъ лгуна. Народъ въ иныхъ мѣстахъ вѣритъ, что медвѣдь на лёжкѣ слышитъ чуткимъ ухомъ все, чтѣ объ немъ говорятъ, и потому остерегаются говорить объ немъ въ–слухъ, особенно бранить его или стращать. Медвѣжину ѣдятъ; окорока вкусны и похожи на свиные; лапы считаются лакомствомъ.

Къ медвѣжьему роду причисляютъ около десятка животныхъ; бѣлый или ледовитый медвѣдь (u. maritimus), нашъ бурый медвѣдь (u. arctos), американскій черный (u. americanus), енотъ (u. s. procyon lotor), и всѣ видоизмѣненія бураго медвѣдя, безспорно, принадлежатъ къ одному и тому же роду; по–крайней–мѣрѣ всѣ виды эти, по первому взгляду, представляютъ явное сродство между собою: туда же причисляютъ и барсука (u. meles, s. m. vulgaris); а нѣкоторые также индійскую полетушу (pteropus, s. vampyrus), антильскаго кинкаю (cercoloptes), американскаго носатика или коати (nasua), котораго часто возятъ въ звѣринцахъ и показываютъ подъ ложнымъ названіемъ муравейника; вонючку

(mephitis), и проч. Но подобное сопричисленіе основывается уже на произвольно–принятыхъ примѣтахъ, по зубамъ. Нѣсколько ископаемыхъ животныхъ, судя по костяку, безспорно принадлежатъ къ породѣ медвѣдей, хотя виды эти нынѣ и не существуютъ. Сюда принадлежатъ: плосколобый медвѣдь (u. arctoideus), медвѣдь–моська (u. fornicatus), и медвѣдь допотопный (u. priscus). Второй изъ этихъ видовъ огромнѣе всѣхъ нынѣшнихъ. Окаменѣлыя кости ихъ отъисканы во Флецовыхъ, известковыхъ пещерахъ Шварцвальда и Карпатовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; а въ Россіи, кажется, на Уралѣ и на Алтаѣ. Голова у бѣлаго медвѣдя гораздо–менѣе, чѣмъ у бураго, и напоминаетъ голову моржа или тюленя; ростомъ онъ болѣе и выше на ногахъ; голосъ его тоньше (выше) и ревъ жалобнѣе; медвѣдица чрезвычайно привязана къ дѣтенышамъ своимъ и долго не покидаетъ ихъ, даже мертвыхъ. Бѣлый медвѣдь питается рыбой и тюленями, но ѣстъ и мясо; живетъ на льдинахъ, а плаваетъ и

ныряетъ какъ утка. Онъ на зиму не залегаетъ. Палласъ расказываетъ о пойманномъ въ 1771 году въ Сибири бѣломъ медвѣдѣ, по шерсти, но буромъ по происхожденію; т. е., это былъ такъ–называемый королекъ отъ бурыхъ медвѣдей — рѣдкость, коей, кажется, нѣтъ другаго примѣра. Тотъ же писатель говоритъ о видѣнномъ въ Сибири пѣгомъ медвѣдѣ. Въ плѣну, бѣлый медвѣдь изнываетъ; съ трудомъ только держатъ его въ звѣринцахъ, окачивая лѣтомъ безпрестанно холодной водой. Онъ стоитъ обыкновенно въ клѣткѣ и мотаетъ цѣлый день головой, не зная куда дѣваться отъ жара.

Американскій медвѣдь меньше и чернѣе нашего, а шерсть на немъ легче, шкура тоньше; изъ нея выдѣлываются драгоцѣнные медвѣжьи мѣха.

Енотъ еще гораздо–менѣе; мѣхъ его извѣстенъ всякому; енотъ замѣчателенъ по обычаю полоскать въ водѣ каждый лоскутъ мяса, прежде чѣмъ пріймется ѣсть.

Барсукъ болѣе похожъ на свинью, чѣмъ на медвѣдя; но по зубамъ и по лапамъ,

принадлежитъ къ роду послѣдняго. Барсукъ живетъ въ землѣ, роетъ нору иногда въ нѣсколько аршинъ, дѣлаетъ котловину и два или три отнорка. Его выживаютъ изъ норы собаками, извѣстными подъ названіемъ таксиковъ и косолапокъ; онъ очень–золъ, жестоко кусается и долго огрызается отъ осторожныхъ собакъ, достигающихъ цѣли своей долготерпѣніемъ и неотступнымъ лаемъ, который бываетъ слышенъ сверху и показываетъ на какомъ мѣстѣ подъ землей барсукъ сидитъ. Лишь только барсукъ оборотился въ норѣ задомъ къ косолапкѣ, то она впивается въ него, рветъ его и заставляетъ или бѣжать поспѣшно и выскочить изъ норы, или пятиться задомъ. Его надо стеречь тогда у всѣхъ отнорковъ, разставивъ силки, капканы, или поставивъ по стрѣлку. Барсукъ ѣстъ мясо, коренья, плоды и зерно; онъ очень–живучъ, съ убитымъ должно обходиться весьма–осторожно и вторачивать къ сѣдлу, какъ лису и волка — за шею; иначе онъ можетъ очнуться и надѣлать, передъ смертію своею, еще много бѣды. Мнѣ случилось проткнуть одного пять или шесть разъ копьемъ, на–

вылетъ, и онъ все еще оборонялся съ такою ловкостію, что съ трудомъ можно было управиться. Онъ хрюкаетъ и взвизгиваетъ почти по–свиному, но, какъ баснословный лебедь, иногда поетъ предъ смертію: издыхая подъ ударами охотниковъ, онъ затягиваетъ такую страшную пѣснь, что она и въ чистомъ полѣ невыносима пронзительностію своею и сходствомъ съ дикимъ, отчаяннымъ крикомъ ребенка. На лёжкѣ онъ спитъ крѣпче медвѣдя, но не обмираетъ. Мѣхъ его грубъ и идетъ только на обивку сундуковъ, погребцовъ и на охотничьи сумки. У насъ въ Россіи вообще барсуковъ немного.

В. ЛУГАНСКіЙ.

Дополненіе къ статьѣ «Медвѣдь»(*).

Въ Смургонахъ — колыбели большей части нашихъ медвѣдей–плясуновъ — крестьяне устроиваютъ особую избу, съ каменнымъ поломъ, который нагрѣвается съ–исподу. Изба эта служитъ для первоначальнаго обученія молодыхъ медвѣдей подыматься на дыбы и плясать. Нагрѣвъ * плитнякъ порядкомъ, обуваютъ заднія лапы медвѣдя въ лапти, и вталкиваютъ его въ избу. Тутъ мишка, обжигая переднія, необутыя лапы, по неволѣ подымается на дыбы и пріучается исподволь къ этой пляскѣ. Если полъ хорошо накаленъ, то и заднимъ лапамъ, сквозь лапти, становится жарко и мишка учится переступать съ ногц на ногу и притопывать.

Разсказываютъ забавный и довольно–вѣроятный случай, доказывающій силу привычки обученнаго, ручнаго медвѣдя. Двое бѣло–русскихъ крестьянъ, одинъ съ

(*) Статья «Медвѣдь» напечатана на 3 и 4 №№ въ «Лит. Газеты».

барабаномъ и дудкой, другой исправляя должность столь извѣстной козЦ, водили медвѣдя по бѣлу–свѣту. Мишка кормилъ ихъ, доставлялъ имъ средство оплачивать свой оброкъ, но онъ былъ не холопъ ихъ, а барскій слуга и сданъ имъ только для промысла, какъ это водится обыкновенно. Напившись до–пьяна въ одной деревнѣ Владимірской–Губерніи, отправились они самъ–третей съ мишкой дальше по дорогѣ, пролегавшей черезъ извѣстный Ярополковъ–Боръ. Путемъ, однакоже, хмѣль ихъ ошибла, они прилегли отдохнуть, уснули, и, привязавъ цѣпь плохо къ поясу, упустили медвѣдя. Мишка, потянувшись, выдернулъ конецъ цѣпи своей, и очутился на свободѣ, а барабанъ и коза спали непробуднымъ сномъ. Наконецъ, мужики проснулись, спохватились, и отъ испуга не знали, чтѣ дѣлать. Они кинулись въ лѣсъ, отъискавъ направленія слѣда по дорогѣ, въ пыли, искали долго и встрѣтили, наконецъ, перепуганныхъ бабъ, ходившихъ по грибы и встрѣтившихъ медвѣдя; онѣ указали имъ, куда мишка прошелъ. Долго еще блуждали они, съ утра до вечера, и наконецъ

услышали издали глухой ревъ. Радостно кинулись они въ ту сторону; но чѣмъ ближе они подходили, тѣмъ подозрительнѣе казался имъ ревъ этотъ, въ которомъ какъ-будто отличали какой-то чужой голосъ. Наконецъ, мужики вышли на поляну, и, выглядывая осторожно изъ-за-кустовъ, дѣйствительно увидали своего мишку — но только не одного, а въ пріятномъ и приличномъ обществѣ, самъ-третей. Онъ отъискалъ себѣ двухъ товарищей и съ ними бесѣдовалъ. Со страхомъ и трепетомъ смотрѣли мужики издали на это общество и долго не знали, на что рѣшиться; попасть въ передѣлку тройки этой было слишкомъ-опасно; а покинуть своего кормильца и сверхъ-того еще отвѣчать за оплошность свою передъ строгимъ бариномъ — имъ также не хотѣлось. Глазъ видитъ, да зубъ не йметъ. Наконецъ, старшему парню пришло въ голову поманить своего медвѣдя; чтѣ будетъ, тѣ будетъ, сказалъ онъ — ночь на дворѣ, уйдти, такъ пропалъ мишка нашъ; остаться караулить — такъ чего добраго, живьемъ съѣдятъ; давай, попытаемся. Онъ заставилъ мальчика надѣть на себя козу,

самъ ударилъ въ барабанъ и въ дудку; коза со страхомъ и трепетомъ плясала и постукивала своими деревянными челюстями — и въ этомъ видѣ и порядкѣ товарищи выступили изъ своей засады на поляну. Мишка мгновенно оглянулся, заревѣлъ, всталъ на дыбы, потряхивалъ головой и обнаруживалъ крайнюю досаду — но не смѣлъ ослушаться знакомаго голоса; дикіе медвѣди тотчасъ ушли въ лѣсъ, нисколько не любопытствуя разсмотрѣть эту комедію; а бѣдный мишка, который столько лѣтъ привыкъ плясать рука–объ–руку съ козой, пустился въ пляску. Онъ грызъ въ досадѣ цѣпь свою, ревѣлъ, пятился задомъ, но дался опять въ рўки поводарямъ своимъ и навсегда утратилъ непродолжительную свободу.

В. ЛУГАНСКІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ

СОДЕРЖАНІЕ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ